

1

В дверь позвонили. В который уже раз за это утро. Зоя подошла, заглянула в глазок — снова никого. Вернулась в комнату. На диване сидела женщина. Мертвая.

— Снова вы? Что вам нужно? Оставьте уже меня в покое!

Но женщина продолжала смотреть на нее своими маленькими серыми глазками. Она была похожа на крысу.

— Вы сами во всем виноваты! И хватит меня уже преследовать!

Зоя заглянула на кухню. Там на столе стоял заварочный чайник, она подошла, обняла его ладонями — горячий. Чай только что заварили. И гренки на тарелке были еще теплыми и вкусно пахли.

Послышался шорох. Зоя резко обернулась. Ну, конечно! Снова эта фигура в дверном проеме. Смотрит так, что душа переворачивается. В этом взгляде все: и щемящая грусть, и упрек, и тоска. А кто виноват? Как будто только она одна. А они все ну просто ангелы! Глаза у мертвых темные,

страшные. Хочется забраться под кровать и не видеть их...

Звонок! Снова звонок! Сколько уже можно измываться над человеком?

Зоя медленно подошла к двери, посмотрела в глазок — никого. Где же вы, люди? Куда спрятались?

— Зоя, пойдём чай пить!

Возникла она, настоящий ангел. Румяная, живая, теплая. Она позаботится о Зое. Она добрая и ласковая. Вот только имя ее Зоя начала забывать...

— И мне чаю. — За стол садится молодая женщина с темными глазами. На ней серое пальто, в руках мнет черный берет.

— Ага, ты бы хоть пальто сняла, прежде чем садиться за стол... — Зоя гневно смотрит на покойницу.

— Ты что-то сказала, Зоенька? — Ангелоподобная девушка ставит перед ней чашку с дымящимся чаем.

— Нет-нет, ничего... — отвечает она, оглушенная биением своего сердца, и придвигает к себе сахарницу.

2

В поликлиниках всегда так пахнет — хлоркой ли, вытертым линолеумом, человеческой нездоровой кожей, лекарствами, болезнями, безысходностью, страхом. Да-да, у страха есть свой запах. Дурной запах. Вот и сейчас Зоя, забившись в угол диванчика в самом дальнем углу поликлиники,

вернее, амбулатории, которую все в районе называют, конечно, поликлиникой, остро почувствовала этот горьковато-солонюватый запах страха ли, кошмара. И это чувство буквально парализовало ее. Она физически не могла пошевелиться. Поликлиника (да, она все-таки тоже будет называть ее поликлиникой; господи, и что только в голову лезет в такие минуты?!) опустела. И было так тихо, что, казалось, все пространство этого маленького коридорчика пульсирует синхронно с током ее собственной крови в висках.

Скоро появится уборщица, к примеру, с ведром и тряпкой и выпучит на нее удивленные глаза, мол, чего сидишь, врачи-то все ушли?! И что она ей ответит? И сможет ли просто пошевелиться, не говоря уже о том, чтобы подняться и сделать несколько шагов?

Шаги... Да, она четко слышала шаги. Быстрые, стремительные. Где-то там, в начале этого извивающегося узкого коридора, заставленного диванчиками, обтянутыми искусственной кожей с едва заметными вмятинами от долгого сидения пациентов, сначала шарахнули входной массивной дверью, затем послышались шаги, пауза — должно быть, человек задержался возле стойки регистратуры, но там, вероятно, уже никого нет, потому что не слышано голосов, — и вновь ускоренное движение по коридору... Кто это идет? Полицейский?

Из-за угла вырулил высокий худой мужчина в черном пальто и шляпе. В шляпе! Зоя сто лет

не видела мужиков в шляпах. Хотя шляпа — это сейчас, в сегодняшней скоростной реалии, такой анахронизм! Как котелок или цилиндр. И все-таки шляпа — это класс! Стиль! И мужчина этот выглядел бы шикарно, если бы не его бешеный взгляд, растерянность, бледность и даже злость.

Зато не полицейский!

— Вы здесь не видели девушку?... Такую... высокую, худенькую, в сером пальто и черном берете? Это моя жена...

Она закрыла глаза. Ну вот, собственно говоря, и все. Началось. Прямо сейчас сдаваться ему и блеять о том, как все произошло? Или отодвинуть час расплаты на неизвестное время? Она пока еще могла выбирать между комфортом собственной квартиры и грязной камерой СИЗО (про камеру она, как и многие вокруг, знала лишь по сериалам), а потому выбрала чистую ванну, удобную постель и чашку кофе или чая.

— Нет, не видела, — соврала Зоя, даже не пряча взгляда.

Соврала, поскольку несколько часов назад она, расправившись с этой «девушкой в сером пальто и черном берете», прикрыла ее труп промокшими от снега картонками.

— Ничего не понимаю... Хотя думаю, что уже понимаю... А вы чего здесь сидите? Никого же нет?

— Не знаю... — обронила она.

— Может, вам плохо?

— Ну да... плохо... — вот здесь она точно не врала, говорила истинную правду.

— Давайте я помогу вам, — и мужчина подал ей руку. — Поднимайтесь. Может, вас в больницу отвезти? Что с вами?

Конечно, если бы она, скажем, сидела возле кабинета гинеколога, то он мог бы предположить, что она беременна, ей плохо, ее тошнит. Но напротив нее на двери висела табличка «Онколог. Кузнецова В. П.». Быть может, мужчина в шляпе подумал, что ей стало плохо после того, как она узнала страшный диагноз?

— Да не знаю... Просто что-то поплохело. Думаю, я на какое-то время потеряла сознание, — она и здесь говорила чистую правду.

Даже если бы она сказала, что у нее на время отказал мозг и она вообще не понимает, в каком измерении находится, Зоя и здесь бы не лукавила. Она действительно не понимала, приснилось ли ей то, что случилось среди бела дня в двух шагах от крыльца поликлиники, или нет. Действительно ли она убила девушку, которая на самом деле была в сером пальто и черном берете, но это уже после того, как она, эта девка, сделав все свои черные дела, поменяла деревянный номерок в гардеробе на верхнюю одежду, хотя в момент своего преступления, за которое и поплатилась жизнью, на ней была кремовая юбка самой Зои, да к тому же ее собственные коричневые замшевые сапоги!

А что, если за пределами поликлиники вообще ничего не было, Зое весь этот кошмар приснился,

и девушка в сером пальто уже давно дома? Но как узнать, не выйдя на улицу? Хотя, ну, выйдет она сейчас, и что? По-хорошему, надо бы поскорее ноги уносить, не проверять же то место, что расположено в аккурат, как говорится, слева от высокого крыльца и обозначено длинной, тянущейся параллельно стене дома, заснеженной крышей, под которой прячется крутая лестница, в конце которой, в самом низу перед дверью, и лежит труп? Или все-таки проверить, приподнять картонки? Не зря же убийцы возвращаются на место преступления — хотят проверить, а было ли оно...

Мужчина в шляпе предложил ей руку, она ухватилась за нее, поднялась так, как если бы весила не пятьдесят с чем-то килограммов, а все двести, и, опираясь на его руку, сделала несколько шагов. Знала ли она, что эти несколько шагов приведут ее в ад? Подозревала. Но, как и всякий человек, надеялась на чудо. Что не вычислят, не поймают.

Так, опираясь на руку вдовца, который еще не знал об этом, она вышла наконец из поликлиники на свежий воздух. Если бы она была счастливым человеком, то, глотнув свежего воздуха и оглянувшись на укутанные в снежные шубы молодые ели, высаженные напротив поликлиники вдоль шоссе, порадовалась бы этой красоте и сладости морозного воздуха. Но поскольку она была человеком несчастливым, то ничего, кроме холода и пронизывающего ветра (которого, кстати, может, и не было, она его выдумала просто из-за нервного озноба), не почувствовала.

- Куда вас подвезти?
- Да никуда, я здесь рядом живу.
- Я тоже. Вон, видите, дом?

Но ей это было неинтересно. Теперь она все свои мысли и чувства должна была направить лишь на одно — на то, чтобы спастись. Не впустить в свою жизнь тюремный запах. Как-то выкрутиться. Сделать вид, что ничего не произошло, не было! Их никто не видел, во всяком случае, она на это надеялась. Хотя было десять утра, казалось бы, поликлиника — бойкое в этот час место, но, к счастью, именно в разгар битвы ли, убийства (это как посмотреть) никого рядом не было. Единственное, чего надо было опасаться, это случайных взглядов из окон многоэтажного дома, на первом этаже которого располагалась поликлиника. Кто-нибудь в этот момент, подойдя к окну с чашкой чая или лейкой, чтобы полить свою герань на подоконнике, мог увидеть потасовку за окном и падение девушки в подвал. Пусть это лишь вход в подвал, но если судить по высоте, то девушка эта, гадина и мерзавка, упала сверху на уровень подвального пола. В подвал, короче. Так и назовем.

Зоя рассуждала об этом так, как если бы готовилась к разговору со следователем или судьей...

В какой-то момент ей показалось, что она вела себя с этим господином в шляпе неестественно. Она не выразила хотя бы внешне удивления или даже сочувствия тому обстоятельству, что он потерял (или пока еще разыскивал) свою жену. Она

не задала ни одного вопроса, хотя, не будь она убийцей, то уж точно вела бы себя по-другому. Более живо, участливо, смотрела бы на мужчину с теплотой, быть может, подробнее расспросила его о том, как выглядела его жена, к какому доктору предположительно была записана.

— Постойте... Вы говорите, что искали вашу жену? Вы точно знаете, что она пошла в поликлинику?

Разговаривая с ним, она с усмешкой подумала, что когда-нибудь они встретятся, конечно, в зале суда, но только она будет на скамье подсудимых, а он в зале как жертва. Вернее, как это у них там говорится, как потерпевший. Ну или «со стороны потерпевшей».

Увидев ее тогда, вспомнит ли он сегодняшнюю встречу? Бестолковый разговор ни о чем? Какими глазами на нее посмотрит?

— Да, она сказала, что ей нужно в поликлинику, к десяти. Вот утром вышла из дома и не вернулась.

И не вернется. И ты, парень, через некоторое время уже будешь стоять возле ее могилы, заваленной цветами, все в этой же шляпе. И это в январе! Мог бы просто куртку носить, а вместо шляпы — обычную вязаную шапочку черного цвета, к примеру, или дорогую меховую, из чернобурки, хотя бы ушанку. Словом, быть как все.

И что она так прицепилась к шляпе?

— Да вернется... — бросила она через плечо так, как если бы и мысли не допускала, что он

больше никогда не увидит своей жены. Да, она хотя бы старалась вести себя так, как если бы ничего не произошло.

Мужчина, пожелав ей здоровья, сел в свою большую черную машину, а Зоя побрела по дорожке между высотными домами в сторону своей одиннадцатизэтажки, расположенной в пяти минутах хода от поликлиники.

Шла и вспоминала свое утро. Были ли предчувствия? Нет, не было. Чтобы было нехорошее предчувствие, надо, чтобы перед этим было хоть что-нибудь хорошее, тогда есть с чем сравнивать. Быть может, ей снилось что-то такое, что могло бы послужить предупреждением, мол, сиди дома и не высывайся, чтобы никуда не влипнуть. Но вряд ли она обратила бы внимание даже на такое явное предупреждение во сне, потому что и безо всяких предупреждений вся ее жизнь была в последнее время настоящей помойной ямой, где она капитально увязла. Так крепко, что никак не могла выбраться. Вернее, могла. Или нет? Не могла? Боялась, что останется одна? Но разве она и без того не была одна?

Мужа звали Виктор, он не работал, целыми днями где-то пропадал, словом, жил своей жизнью, пользовался ее квартирой, деньгами и при этом не чувствовал абсолютно никаких угрызений совести. Миллион раз она пыталась завести разговор о том, что пора бы уже куда-то устроиться, на что всегда получала столько нытья и каких-то

неубедительных и блеклых объяснений, что почти сразу же жалела о том, что вообще затеяла разговор на эту тему. Виктор был биологом. С его образованием и опытом работы он был никому не нужен, это во-первых. Во-вторых, туда, куда его взяли бы (в школу, к примеру), он сам не хотел — там мало платят, а работы много. Или просто — там нужно работать. Виктор часто отлучался из дома надолго, говорил, что ищет работу, ходит на собеседования, но это длилось уже два года (ровно столько времени прошло с тех пор, как закрыли институт «Микробиолог», в котором он работал и где его все более или менее устраивало), а результатов — ноль.

— Хочу в частный медицинский центр, места жду, — время от времени звучала рефреном его сказочная фраза. Но Зоя ему не верила, как не верила в самую возможность такого трудоустройства.

Однако неработающий муж — это еще не проблема. Вот муж, который изменяет с другой женщиной и считает тебя, верную жену, идиоткой, — это уже настоящая проблема. Муж, который во время твоих командировок (а Зоя работала в очень серьезной структуре, главным направлением которой являлась разработка и строительство жилых проектов комфорт- и бизнес-класса) приводит в пустую квартиру своих девок, спит с ними в твоей постели, разрешает им пользоваться твоими полотенцами, пеньюарами, духами, кремами, тапочками, дарит им в пьяном угаре все, что этим шлюхам нравится и хочется (банки варенья, кофе,

шампуни, кремы, вещи жены), — это настоящее бедствие. Поэтому Зоя никогда не возвращалась домой раньше оговоренного срока — не дай бог застать мужа с любовницей, не дай бог задушить голую, пахнущую ее же, Зоиными, духами, деваху прямо там, прижав ее мордой к подушке... Не хватало только сесть в тюрьму из-за такой вот бессонной твари.

Надо было рвать с Виктором. Разводиться. Квартира принадлежала только ей, поскольку куплена была до брака, поэтому никакого раздела имущества не предвиделось. Но Зоя знала, чувствовала, что стоит ей только начать этот процесс, как на ее голову свалится сразу столько проблем и неприятностей, что только от представленного уже становилось дурно. Конечно же, поначалу муж будет давить на жалость, стонать, что ему негде жить, да и не на что. И все эти стоны будут пересыпаны, разумеется, его запоздалыми и лживыми любовными признаниями в ее адрес. Потом начнутся угрозы, что раз так, то он, мол, станет жить на лестничной клетке, спать на картонке, пусть все соседи увидят. Он будет голодать и выть, как собака. Дальше хуже — он обратится в полицию, скажет, что его выставили за дверь из его же собственной квартиры, хотя деньги на эту квартиру он получил в наследство от своей матери (или придумает еще что-нибудь более или менее правдоподобное). Потом обратится к бесплатному адвокату и скажет, что его жена Зоя Бельская изменяет ему, требует развода, угрожает ему тем,